

Н. В. УСТРЯЛОВ И ЭМИГРАНТСКИЕ ПОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ТЕЧЕНИЯ: 1920–1930-е ГОДЫ

В. К. Романовский

Нижегородский институт развития образования

Поступила в редакцию 12 декабря 2016 г.

Аннотация: *раскрывается противоречивый характер взаимоотношений видного сменовеховского идеолога Н. В. Устрялова с представителями различных пореволюционных течений в эмиграции – евразийцами, младороссами, утвержденцами и новоградцами.*

Ключевые слова: *Николай Устрялов, пореволюционные течения, евразийцы, младороссы, новоградцы, утвержденцы.*

Abstract: *the article considers the controversial character of the relationship of the outstanding «smena vekh» ideologist N. V. Ustryalov with the representatives of different post revolutionary movements in emigration – evraziytsy, mladorossy, novogradtsy, and utverzhdentsy.*

Key words: *Nikolai Ustryalov, postrevolutionary movements, evraziytsy, mladorossy, novogradtsy, utverzhdentsy.*

Проблема взаимоотношений Н. В. Устрялова с пореволюционными течениями, несмотря на ряд публикаций [1, с. 97–103; 2, с. 290–293], продолжает оставаться актуальной, так как затрагивает важные, но малоисследованные страницы биографии видного деятеля сменовеховства и в целом истории русской эмиграции «первой волны».

В настоящей статье раскрывается противоречивый характер взаимоотношений Н. В. Устрялова с представителями пореволюционных течений в эмиграции – евразийцами, младороссами, утвержденцами, новоградцами – и определяются причины, по которым идея объединения пореволюционных сил, пропагандируемая Устряловым и пореволюционными деятелями, оказалась неосуществимой.

В основу публикации положены материалы статей Устрялова, пореволюционной печати, личного происхождения, архивных и опубликованных документов.

В русской эмиграции 1920–1930-х гг. действовали политические организации, представлявшие осколки партий дореволюционной России, – монархические, либеральные, социалистические. Они оценивали происходящее на родине с прежних программных установок, отвергая большевистскую революцию и пореволюционную Россию. Но в эмиграции было немало тех, кто разочаровывался в традиционном идейном наследстве и порывал с ним. Идеалы «отцов» не вдохновляли и эмигрантскую молодежь, которая, по мнению эмигрантского публициста А. С. Изгоева, не проявляла интереса ни к

правым, ни к левым партиям [3, с. 3–4]. В условиях кризиса прежних доктрин и поиска новых идей в эмиграции формировались и действовали многочисленные «пореволюционные» идейно-политические организации [4, с. 87–99; 5].

Основоположником пореволюционной идеологии является Николай Васильевич Устрялов – правовед, публицист, политический мыслитель, активный участник русской революции и гражданской войны. Накануне 1917 г. Николай Устрялов – яркий представитель молодого поколения интеллектуальной элиты России: участник Религиозно-философского общества им. Вл. Соловьева, приват-доцент Московского университета, автор актуальных публикаций по национально-государственной проблематике в праволиберальных периодических изданиях, политический публицист газеты «Утро России» – ведущего печатного издания либерально-буржуазных кругов страны. В 1917 г. он стал заметной политической фигурой в кадетских кругах: пропагандировал либеральный проект преобразования России, возглавлял Калужский кадетский губернский комитет, был делегатом IX и X съездов кадетской партии, принимал участие в работе Московского совещания общественных деятелей, от партии кадетов участвовал в выборной кампании в Учредительное собрание, издавал еженедельник «Накануне», подвергая жесткой критике действия большевиков – «разрушителей российского государства». Осенью 1918 г. он был командирован в Пермский университет, где читал лекции по праву, был избран на должность профессора по кафедре государственного права. В начале 1919 г. по приглашению колчаковского правительства прибыл в Омск. В белой Сибири участвовал в организации агитаци-

онно-пропагандистского аппарата омской власти, отстаивал идею диктатуры «во имя демократии» и сохранения российского государства.

После разгрома Колчака Устрялов эмигрировал в Китай, и последующие полтора десятилетия его жизни связаны с дальневосточным зарубежьем, Харбинским юридическим факультетом. На чужбине недавний противник большевистской власти подверг пересмыслению события революции и гражданской войны и со страниц авторского сборника «В борьбе за Россию», изданного осенью 1920 г., призвал соотечественников в эмиграции принять большевистскую революцию, признать советскую власть и поддержать политику большевиков по возрождению былого могущества России [6]. Выход с участием Н. В. Устрялова сборника статей «Смена вех» в Праге в 1921 г. знаменовал оформление общественно-политического течения сменовеховства, пореволюционного по своей идейной основе.

Н. В. Устрялов первым определил сущностные черты «пореволюционной» идеологии: неприятие идеи реставрации старой власти, примирение с русской революцией, отказ от вооруженной борьбы с советской властью, патриотизм, антидемократизм, антилиберализм, примат духовного начала над материальным и др. [7, с. 109]. «В сущности, – писал о нем современник, – никто убедительнее и талантливее Устрялова не показал, что старое кончилось, что необходимо жить в новом и по-новому. Эта общая перестройка сознания, признания революции фактом, положившим какие-то решительные рубежи, принадлежит ему, и в этом... основоположное значение его писаний» [8, с. 30].

Являясь видным деятелем сменовеховства и идеологом национал-большевизма (по его собственному выражению, идеологии использования «большевизма в национальных целях» [9, л. 239]), Н. В. Устрялов проявлял большой интерес к пореволюционным течениям, так как стремился найти и объединить вокруг идеи поддержки советской России своих единомышленников и новых сторонников. Важными задачами Устрялов также считал распространение «примиренческой» идеологии среди эмигрантской молодежи и оказание на нее своего идейного влияния.

Потенциальная возможность создания объединенной платформы или какого-либо союза Устрялова с пореволюционными организациями была. Между «сменовеховскими» установками и политическими устремлениями «пореволюционных» течений имелось заметное идейное сходство: неприятие реставрационных планов, стремление к синтезу идей и ценностей, признание русской революции, критика эмигрантского «активизма» (продолжения вооруженной борьбы с большевиками), критическое отношение к буржуазной демократии и др. На это сходство об-

ращал внимание сам Устрялов. По его словам, «нетрудно вскрыть в новых “пореволюционных” течениях нашей эмиграции нестареющие мотивы старого сменовеховства» [10, с. 124].

Евразийство возникло почти одновременно со сменовеховством. Н. В. Устрялов весьма благожелательно откликнулся на появление сборника статей «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», изданного в Софии в 1921 г., в котором формулировались основы этого пореволюционного течения. По его словам, этот сборник «должен быть признан одним из интереснейших документов современной русской мысли, оплодотворенной русской революцией» [11]. В евразийской идеологии немало было идей, близких Устрялову: критическое отношение к европоцентризму, восприятие России как «особого мира», отличного от Запада, отстаивание идеи многообразия национальных культур, неприятие либеральных ценностей, критика западноевропейской общественной модели развития. Евразийцы признавали русскую (большевистскую) революцию, оценивая ее как рубеж между старой и пореволюционной Россией и как начало новой эпохи, с которой начнется возрождение самобытного, национального евразийского организма. Им были близки этатистские устремления, особо значимые для Устрялова: они считали, что России необходимо сильное государство, способное решать все проблемы в стране [12, с. 45; 13, с. 4–5; 14, с. 127, 273–274; 15, с. 67, 242; 16, с. 168–169].

Сходство между сменовеховством и евразийством было обусловлено их общими духовными корнями. Они принадлежали к «почвенническому» направлению русской мысли и с соответствующих позиций осмысливали прошлое и настоящее своего отечества. На это сходство впервые обратил внимание видный деятель русской эмиграции П. Б. Струве, подмечая «национал-большевистские миражи» в евразийстве [17, с. 104].

Но между Устряловым и евразийцами наблюдалось немало различий. Так, евразийская идея государственного строительства базировалась на религиозном (православном) фундаменте [18, с. 74]. Для идеолога же национал-большевизма казалось глубоко ошибочным выводить из христианского мирозерцания «какой-либо... государственно-общественный строй» [19, с. 67]. Евразийцы подвергали критике «петербургский период» русской истории [16, с. 82; 20, с. 94–95; 21, с. 41–42; 22, с. 278]. Устрялов, напротив, высоко оценивал его роль и значение в истории отечества [23, с. 5–6]. Для идеологов евразийства национализм считался «хоровым», не выделявшим русских, но объединявшим население всего евразийского пространства [24, с. 266–267]. Национализм Устрялова связан с великорусским народом, осозна-

вавшим свою миссию консолидатора многонациональной России [25, с. 31; 26, с. 216–218].

Существовавшие сходства и различия между Устряловым и евразийцами во многом определили противоречивый характер их взаимоотношений. Некоторые представители евразийства проявляли интерес к идеологии национал-большевизма, высказывались за сотрудничество с Устряловым [24, с. 301]. С видными деятелями евразийства К. А. Чхеидзе и П. П. Сувчинским Устрялов вел переписку [27, л. 1–62; 28, л. 1–61]. Для евразийца Чхеидзе общение с мыслителем из Харбина было серьезной школой интеллектуального взросления. В одном из писем он признавался: «В беседе с Вами я расту...» [27, л. 13]. В 1920-е гг. весьма положительно к сменовеховскому деятелю относился П. Н. Савицкий. Евразийский идеолог разделял его позицию о необходимости сотрудничества с большевиками. В письме, адресованном П. Б. Струве, он писал, что Устрялов справедливо связывает «будущее России с будущим советской власти, потому что ни на родине, ни за ее пределами нет иной политической силы, способной в случае падения большевиков управлять страной». Большевики, по словам Савицкого, «собрали» земли России, создали боеспособную армию, преодолели хаос и анархию, поэтому абсурдно желать их падения [14, с. 272–275].

Но большинство евразийцев дистанцировалось от сменовеховцев и Устрялова, отказывались от диалога с ними. Так, Г. В. Флоровский, определяя разницу признания революции евразийцами и Устряловым, отмечал: одно дело признавать историческую необходимость русской революции, что и делают евразийцы, другое дело – ее морально оправдывать и помогать большевикам, что неприемлемо. «Для меня лично, – подчеркивал он, – примиренчество во всех его видах решительно отвратительно» [29, с. 269]. По мнению Н. Н. Алексеева, главное отличие евразийства от сменовеховства заключается в том, что всеми, кто сменил вехи, руководит «чисто тактический мотив», а «мы начинаем с “верхов”, с принципов, с доктрины» [30, с. 2–3].

Особую нетерпимость к Устрялову и сменовеховству проявлял ведущий евразийский идеолог Н. С. Трубецкой. Для него сменовеховцы – «оппортунисты, шкурники, временщики», проповедующие идеологию «примиренчества» в своих меркантильных интересах. В ответ на предложение Сувчинского о возможности сотрудничества со сменовеховцами он с раздражением писал ему, что вся их тактика сводится к тому, чтобы «подольститься к барину в надежде на то, что кое-что перепадет», а на контакты они идут с евразийцами в корыстных целях, надеясь «получить от нас оригинальную идеологию, которую они сами по своей бездарности создать не могут» [24, с. 301].

После отклика на сборник «Исход к Востоку» Устрялов долгое время публично не высказывался о евразийстве. Но интерес к этому движению у него не ослабевал. В письме П. П. Сувчинскому от 2 ноября 1926 г., с которого началась их переписка, он писал, что чувствует в евразийстве звучание близких и дорогих ему мотивов, но желательно, чтобы и евразийцы также разобрались в мотивах и скрытых тенденциях его «соглашательства», и рекомендовал им, ориентирующимся на «завтрашний день», больше внимания уделять настоящей России и ее молодежи [28, л. 1–4].

Материалы переписки Н. В. Устрялова с П. П. Сувчинским во второй половине 1920-х гг. отражают сложный характер отношений между ними. Устрялов предлагал «установить обмен мыслями» с группой Сувчинского («левыми» евразийцами, проживавшими в г. Кламаре под Парижем), поддерживал их положительные оценки положения в СССР, стремился повлиять на идейные позиции евразийцев. В то же время он критиковал Сувчинского и его окружение за то, что, проповедуя пореволюционную идеологию, они сбиваются на путь «банально контрреволюционный», мечтают о роли идейного штаба для правящего слоя СССР, надеются «устранить большевиков». Сувчинский, в свою очередь, сетовал на то, что Устрялов, являясь «крупным общественным деятелем», по сути, отмалчивается, выступает в роли «сверх-зрителя», «наблюдающего и оценивающего» со стороны «трагедию русской революции» [там же, л. 16, 18, 22, 28, 30].

Материалы переписки Н. В. Устрялова с Г. Н. Диким, другом по Харбину, который перебрался из Харбина в Париж 1929 г., свидетельствуют о том, что сменовеховский деятель продолжал проявлять интерес к евразийцам и в первой половине 1930-х гг.: он следил за евразийскими печатными изданиями, проявлял готовность идти на «дружный контакт» и даже объединиться с ними для защиты «общих идеалов», не упускал возможности давать советы евразийцам (предлагал им выступить с декларацией, что в случае конфликта СССР с Западом они будут «на стороне СССР»), рекомендовал им заняться воспитанием своих кадров, усилить работу среди своей молодежи [31, с. 204–205, 209]. Он считал возможным указывать на недостатки, свойственные евразийцам. По его мнению, они оставались теоретиками, оторванными от реальной действительности. Евразийские лидеры, считал Устрялов, «будучи способными учеными», «мало приспособлены для политического руководства», в их политической деятельности и идеологии проявлялись дилетантство, наивность и «тактико-политическая беспомощность» [32, с. 94–95, 98–99, 104, 111].

Не имея очевидных успехов в сотрудничестве с евразийцами, Устрялов присматривался к младорос-

сам и утвержденцам, объединявшим политически активную часть эмигрантской пореволюционной молодежи. Союз младороссов, созданный в 1923 г., превратился в довольно известную молодежную организацию благодаря ее лидеру А. Л. Казем-Беку. Их программные положения базировались на идеях национализма, социализма, монархизма и христианства. Они стремились объединить нацию «на началах здорового национализма и патриотизма», считали основой русской жизни коллективизм, ратовали за восстановление религии, семьи и государства и подвергали жесткой критике либеральные ценности. Находясь в оппозиции к сталинскому режиму, младороссы мечтали о «национальной» революции в России, чтобы возродить монархическую власть, но при обязательном сохранении системы Советов [33, с. 5; 34, с. 3–5; 35, с. 7–22].

В начале 1930-х гг. возникло «утвержденчество» – пореволюционное течение, сторонники которого объединялись вокруг журналов «Утверждения» и «Завтра». Ведущую роль в них играли лидер национал-максималистов Ю. А. Ширинский-Шихматов и молодое поколение эмигрантских публицистов – П. С. Баранецкий, Л. Б. Савинков, И. И. Ильинская и др. Утвержденцы стремились объединить разрозненные группы молодежи на основе широкой «пореволюционной» платформы и ориентировали их на то, что предстоит решать «завтра» [36, с. 3–4, 6–79; 37, л. 10–12 об., 16 об.].

Ю. А. Ширинский-Шихматов считал, что центральной проблемой времени является выработка новой идеологии. «Жизнь требует, – писал он в письме Е. Д. Кусковой от 22 сентября 1931 г., – построения идеологий, целостных мирозерцаний в первую очередь; конкретные программы – скорее дело следующего цикла...» [37, л. 11–11 об.]. «Идеология есть самое первое, самое реальное, самое главное, то самое, с чего надо начинать», – повторял он в другом письме. Ему хотелось привлечь под свои лозунги не только молодежь, но и старшее поколение [там же, л. 4, 26 об.].

Утвержденцы отрицали капитализм и коммунизм, мечтали о построении общества христианской правды, социальной справедливости и народоправства. В их проектах будущая Россия – независимая индустриально-аграрная держава с сильной центральной властью, системой советов, конфедеративным устройством и боеспособными вооруженными силами. Критикуя Сталина и его внутреннюю политику, они в то же время занимали политику «оборончества», подвергая критике эмигрантский активизм [36, с. 9; 38, с. 38–40; 39, с. 52–53, 55; 40, с. 56–58, 64; 41, с. 114–115]. Многие молодые политики и публицисты, группировавшиеся вокруг журнала «Завтра», открыто высказывались в духе национал-большевистских

идей Устрялова, ориентировали молодежь на примирение с родиной, выступали в поддержку сталинского режима [42, с. 22–23; 43, с. 6–7].

Н. В. Устрялов не исключал возможности оказать влияние на развитие политического сознания эмигрантской молодежи, разделявшей младоросские и утвержденческие установки, скорректировать тактику ее поведения. «Полагаю, – писал он Г. Н. Дикому, – что проблема воспитания “своей” молодежи должна стоять в самом центре ее вождей и идеологов...» [31, с. 106]. Политический мыслитель стремился быть в курсе событий молодежных пореволюционных течений, внимательно следил за их прессой. Но печатные издания младороссов и утвержденцев его огорчали низким качеством материалов. «Какое это убожество: ни культурности, ни знаний, ни таланта – лишь ненасытная словесная жажда активности вслепую, – с раздражением писал он о пореволюционной печати в письме Дикому, – ...Мне кажется, что эта жажда активности, свойственная молодежи, должна быть сверху “переключена” на культурно-просветительный порыв... Очередная задача – ...работа над собой. Прежде, чем как-то влиять и действовать, нужно учиться... Знакомство с текущей легальной политической литературой не повышает квалификацию молодых людей, а лишь рождает в них самонадеянность. Нет, пусть в свободное от занятий время... подчитают кое-что серьезное по экономике, праву, теории политики, социальной истории... Тогда, конечно, и облик всех этих газеток стал бы иной – более солидный, литературно и общественно грамотный. Может быть, появились бы и таланты!» [там же].

Н. В. Устрялов посчитал необходимым обратиться к молодежи русского зарубежья со специальной статьей, которая была опубликована в 1932 г. на страницах журнала «Утверждения». В ней автор определяет характерные «пореволюционные» черты «зарубежной смены»: «они не очарованы прошлым», «не хотят реставрации», «рассуждают о “синтезе” дореволюционного тезиса с революционным анти-тезисом», «революция для них – ...не постыдное историческое недоразумение, а громадный и осмысленный, хотя и страшный факт русской истории», «они проникнуты русским патриотизмом», «не чуждаются также интернациональных веяний нашего века», «упорно проповедают “примат духовного начала перед материальным”», «выдвигают на первый план идею духовно-культурной миссии России», «достаточно равнодушны к великим принципам 1789 г.», мечтают о «равновеликом преодолении большевизма» [7, с. 109].

Из всего этого комплекса настроений молодежи Устрялов выделяет главное, что отделяет «младшее поколение от старшего»: «молодежь психологически примиряется с русской революцией». Она, конечно,

критикует, ругает большевиков за многочисленные грехи, но осознает «роковую историческую закономерность» Октября, через него видит историческую перспективу и к большевикам «лютой ненависти» «уже не ощущает». Интервенция для них неприемлема и нецелесообразна, подрыв обороноспособности Красной армии – «преступление против родины», необходимость государственной мощи СССР – «вне спора». Если они и критикуют режим, то «в общем контексте “приятя революции”» [там же, с. 109–112].

Но у «зарубежной смены», замечал публицист, есть «одна опасная, глубоко ошибочная» тенденция: она хочет быть политически активной, создает скоропалительные организации, «единые фронты», «партии-секты», разрабатывает многочисленные «программы будущего устройства России». И в пылу «боевого азарта» молодежь «сворачивает на торную дорогу банальной эмигрантщины, на путь промотавшихся отцов». Устрялов предлагал молодежи отказаться от подобного «активизма». Подлинная активность сосредоточена в России, и потому, по его мнению, не следует мешать родине «шумливыми жестами “борьбы” из-за границы». Пореволюционным течением, считал Устрялов, необходимо «наблюдать, изучать, осмысливать эпоху», «стараться мыслями посылить процессу», «сохранять живую связь с русской культурой». Если зарубежная молодежь хочет помочь своей родине, то ей следует заботиться о политической защите советского государства и русской революции и о продолжении русской культурно-исторической традиции, сохранении духовного лика России «перед всем миром и для всего мира» [там же, с. 112–114].

Но эмигрантская пореволюционная молодежь устами своих лидеров не намерена была внимать советам и рекомендациям Устрялова. Спустя некоторое время в Пореволюционном клубе (Париж) Ю. А. Ширинский-Шихматов выступил с докладом о сменевеховстве. Лидер утвержденных подверг критике это течение, указал на полную неприемлемость «лояльного сотрудничества» соотечественников с коммунистической властью и противопоставил возвращенчеству (движению в эмиграции за возвращение на родину) формулу: сближение с молодыми силами современной России «через головы как эмигрантщины, так и коммунистической опричнины» [44, с. 25].

Н. В. Устрялов переживал чувство разочарования оттого, что молодежные «пореволюционные» группы не прислушивались к его советам, отказывались признавать свое идейное родство со «Сменой вех». Он с сожалением отмечал, что журнал «Завтра», повторяя «сменевеховские» лозунги, забывал воздать должное их подлинным авторам [27, л. 50].

Широкою известностью в эмигрантской жизни 1930-х гг. получает пореволюционное течение ново-

градцев, которое группировалось вокруг журнала «Новый град». В его редакцию входили видные публицисты и философы И. И. Бунаков-Фондаминский, Ф. А. Степун, Г. П. Федотов. Новоградцы предлагали созидать новый град «из старых камней, но по новым зодческим планам». В числе главных целей они выдвигали либеральную идею защиты личности и ее свободы, которая не могла быть реализована «вне христианства». Проблемы современности новоградцы видели в том, что идеи абсолютной истины, политической свободы и социальной справедливости противостоят друг другу, необходим был их «органический, творческий синтез» [45, с. 4–7; 46, с. 29–30; 47, с. 5–6; 48, с. 17–19].

Издатели «Нового града» признавали, что власть большевиков утвердилась при поддержке широких масс, народное хозяйство в СССР развивается, и страна эволюционирует в сторону укрепления советской власти. Из этого формулировался вывод: главная борьба должна быть сосредоточена за души людей, советскому мирозерцанию следует противопоставить «свое мирозерцание». Они видели изъяны и буржуазного общества, утверждая, что демократия защищает свободу для одних классов и лишает ее другие классы, а человек труда, лишенный хлеба, не может быть свободным. Отвергая советскую и буржуазную модели развития, новоградцы искали для России «иного, третьего строя, где интересы личности и общества, свободы и солидарности были бы равномерно обеспечены». Будущее родины идеологи «Нового града» связывали с авторитарной демократией (сильным президентом) и планово-рыночным хозяйством, в котором преобладает госсектор [49, с. 43–47; 50, с. 32–35; 51, с. 60–64; 52, с. 22–27; 53, с. 86].

Содержательные статьи «Нового града», отличавшиеся объективным анализом прошлого и настоящей действительности, явно выделялись из общего ряда пореволюционных публикаций. Устрялов с уважением относился к новоградцам, продолжавшим лучшие традиции русской мысли. Новоградские материалы, по словам политического мыслителя, пронизаны религиозным смыслом, да и «основная... идея сборника – религиозная». У авторов есть историческая концепция большого стиля, она достойна внимания. Их злободневные признания и содержательные политические утверждения могут поставить в тупик эмигрантов с традиционным антисоветским сознанием и идеологией «активизма». В самом деле: после знакомства с «новоградскими» признаниями они должны «сложить оружие и прекратить борьбу»; признать, что большевики правят не вопреки воле народа, а при активной его поддержке; согласиться с тем, что «свобода есть сплошной парадокс и полна противоречий», что есть советское понятие свободы

как «возможности социально, коллективно реализовать свою энергию», а либеральная демократия – «эксплоататорская и лицемерная» [54, с. 121–122].

Но в их материалах, отмечал Устрялов, немало противоречивых суждений и выводов. Так, указывая на негативные черты буржуазной модели развития, новоградцы, тем не менее, новую жизнь предлагали строить из тех же «старых камней». Отмечая успехи СССР и признавая прочность советского режима, они в то же время заявляли о своей непримиримости к нему. Новоградцы, по словам Устрялова, «непрестанно оборачиваются назад», критикуя «старый град», они желают «оставаться вместе с ним». Поиски новоградцев, по его словам, свидетельствуют об отсутствии у эмигрантской элиты «положительной политической программы». Новоградство выражает «идейно-политические тупики, в которых бьется русское зарубежное сознание». Новоградцы тоскуют о вечном, постоянно оглядываются назад и пугаются нового [там же, с. 123–125, 129–136, 141–142].

Таким образом, Н. В. Устрялов, стоявший у истоков пореволюционной мысли, проявлял большой интерес к эмигрантским пореволюционным течениям, стремился объединить пореволюционные силы вокруг «примиренческих» идей, оказать идейное влияние на эмигрантскую молодежь. Но лидеры пореволюционных течений, признавая факт свершившейся революции и отмечая позитивные изменения в пореволюционной России, отказывались принимать устряловские идеи «примирения» с советской родиной и большевиками. Устрялова же не устраивали «дилетантская» политическая тактика евразийцев, малозначимая активность младороссов и утвержденных, новоградские планы строительства «нового града» из «старых камней» и др. В результате идея синтеза пореволюционных сил русской эмиграции, пропагандируемая Устряловым и некоторыми пореволюционными деятелями на идейно-теоретическом уровне, так и не стала реальной политической практикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романовский В. К. Н. В. Устрялов и евразийцы : из истории взаимоотношений / В. К. Романовский // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер.: История. – 2006. – Вып. 1 (5).
2. Ехина Н. А. Н. В. Устрялов и представители пореволюционных течений «утвержденных» и «третьероссов» : общее и различное в позициях по отношению к роли эмигрантской пореволюционной молодежи в судьбе России / Н. А. Ехина // История белой Сибири : материалы VII Междунар. науч. конф. – Кемерово, 2009.
3. Изгоев А. С. Рожденное в революционной смуте (1917–1932) / А. С. Изгоев. – Париж, 1933.
4. Онегина С. В. Пореволуционные политические движения российской эмиграции в 20–30-е годы (к истории идеологии) / С. В. Онегина // Отечественная история. – 1998. – № 4.
5. Пашкина Е. Г. Журнал «Новый град» в идейно-политической жизни русской эмиграции / Е. Г. Пашкина. – М., 2008.
6. Устрялов Н. В. В борьбе за Россию : сб. статей / Н. В. Устрялов. – Харбин, 1920.
7. Устрялов Н. В. Зарубежная смена / Н. В. Устрялов // Утверждения. – 1932. – № 3.
8. Кононов Д. С. Евразийство и пореволюционники / Д. С. Кононов // Вселенское дело : сб. статей. – Рига, 1934.
9. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 5912. – Оп. 1. – Д. 143.
10. Устрялов Н. В. Новый град / Н. В. Устрялов // Наше время. – Харбин, 1934.
11. Устрялов Н. В. Интеллигенция и народ в революции / Н. В. Устрялов // Новости жизни. – 1921. – 4 нояб.
12. Евразийство : опыт систематического изложения. – Париж, 1926.
13. Трубецкой Н. С. О государственном строе и форме правления / Н. С. Трубецкой // Евразийская хроника. Кн. VIII. – Париж, 1927.
14. Савицкий П. Н. Континент Евразия / П. Н. Савицкий. – М., 1997.
15. Карсавин Л. П. Феноменология революции / Л. П. Карсавин // Евразийский временник. Кн. 5. – Париж, 1927.
16. Алексеев Н. Н. Евразийцы и государство / Н. Н. Алексеев // Россия между Европой и Азией : Евразийский соблазн. – М., 1993.
17. Струве П. Б. Россия / П. Б. Струве // Русская мысль. – 1922. – Кн. 111.
18. Трубецкой Н. С. Мы и другие / Н. С. Трубецкой // Евразийский временник. Кн. 4. – Берлин, 1925.
19. Устрялов Н. В. Политическая доктрина славянофильства (идея самодержавия в славянофильской постановке) / Н. В. Устрялов // Известия Харбинского юридического факультета. Высшая школа в Харбине. Т. 1. – Харбин, 1925.
20. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. – София, 1921.
21. Сувчинский П. П. Идеи и методы / П. П. Сувчинский // Евразийский временник. Кн. 4. – Берлин, 1925.
22. Флоровский Г. В. Письмо П. Б. Струве о евразийстве / Г. В. Флоровский // Русская мысль. – 1921. – Кн. V–VII.
23. Устрялов Н. В. Судьба Петербурга / Н. В. Устрялов // Накануне. – 1918. – № 1.
24. Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. : документы и материалы : учеб. пособие / под ред. А. Ф. Киселева. – М., 1998.
25. Устрялов Н. В. Советская нация / Н. В. Устрялов // Наше время. – Харбин, 1934.

26. Устрялов Н. В. Национализация Октября / Н. В. Устрялов // Под знаком революции. – Харбин, 1927.
27. ГАРФ. – Ф. 5911. – Оп. 1. – Д. 78.
28. Моя переписка с П. П. Сувчинским // Литературный архив Музея чешской литературы. – Ф. 142. Fedoroviana Pragensia. 1-3-36.
29. Флоровский Г. В. Письмо П. Б. Струве о евразийстве / Г. В. Флоровский // Русская мысль. – 1921. – Кн. V–VII.
30. Алексеев Н. Н. Отправные точки нашей политики / Н. Н. Алексеев // Евразия. – 1928. – № 1. – 28 нояб.
31. «Политическая эмиграция – не наш путь». Письма Н. В. Устрялова Г. Н. Дикому. 1930–1935 гг. // Исторический архив. – 1999. – № 1.
32. «Политическая эмиграция – не наш путь». Письма Н. В. Устрялова Г. Н. Дикому. 1930–1935 гг. // Исторический архив. – 1999. – № 2.
33. Бутаков Г. Монархизм и младоросскость / Г. Бутаков // Младоросс. – 1930. – № 5.
34. Истоки младоросского движения. Из доклада А. Казем-Бека на собрании Русской национальной молодежи // Младоросс. – 1930. – № 4.
35. К Молодой России : сборник младороссов. – Париж, 1928.
36. От редакции // Утверждения. – 1932. – № 3.
37. ГАРФ. – Ф. 5865. – Оп 1. – Д. 559.
38. Ширинский-Шихматов Ю. А. Освобождение / Ю. А. Ширинский-Шихматов // Утверждение. – 1931. – № 1.
39. Баранецкий П. Назревание событий (к вопросу о текущем моменте и общей тактической установке) / П. Баранецкий // Утверждения. – 1931. – № 1.
40. Холодилов А. Д. Вчера. Сегодня. Завтра / А. Д. Холодилов // Утверждения. – 1931. – № 2.
41. Степанов И. Россия и эмиграция / И. Степанов // Утверждения. – 1931. – № 2.
42. Зигон А. Белые мечтания / А. Зигон // Завтра. – 1935. – № 5.
43. Савинков Л. О революции / Л. Савинков // Завтра. – 1933. – № 1.
44. Открытие Пореволуционного клуба // Завтра. – 1933. – № 1.
45. Федотов Г. П. Новый град / Г. П. Федотов // Новый град. – 1931. – Вып. 1.
46. Федотов Г. П. Сумерки отечества / Г. П. Федотов // Новый град. – 1931. – Вып. 1.
47. Федотов Г. П. О национальном покаянии / Г. П. Федотов // Новый град. – 1933. – Вып. 6.
48. Степун Ф. Путь творческой революции / Ф. Степун // Новый град. – 1931. – Вып. 1.
49. Бунаков И. Пути освобождения / И. Бунаков // Новый град. – 1931. – Вып. 1.
50. Бунаков И. Хозяйственный строй будущей России / И. Бунаков // Новый град. – 1932. – Вып. 5.
51. Бердяев Н. Парадоксы свободы в социальной жизни / Н. Бердяев // Новый град. – 1931. – Вып. 1.
52. Степун Ф. Идея России и формы ее раскрытия / Ф. Степун // Новый град. – 1934. – Вып. 8.
53. Федотов Г. П. Ответ Н. А. Бердяеву / Г. П. Федотов // Новый град. – 1933. – Вып. 7.
54. Устрялов Н. В. Новый град / Н. В. Устрялов // Наше время. – Харбин, 1934.

Нижегородский институт развития образования
Романовский В. К., доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и обществоведческих дисциплин

E-mail: vkroman@mail.ru
Tel.: 8-831-417-52-17

Nizhniy Novgorod Institute of the Development of Education

Romanovskiy V. K., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the History and Social Studies Department

E-mail: vkroman@mail.ru
Tel.: 8-831-417-52-17